

УДК 81.2

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-5-18

Взаимодействие языков и интерференция в речи немцев-билингвов Вятского региона России

В. М. Бухаров¹, О. В. Байкова²

¹ *Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия*

² *Вятский государственный университет
Киров, Россия*

Аннотация

Рассматриваются вопросы взаимодействия немецкого и русского языков в речи немцев-билингвов, родившихся и проживающих в условиях русскоязычного окружения в Вятском регионе России. Ставится задача изучения проблемы взаимодействия контактирующих языков и их норм, вопросов уподобления, заимствований и кодовых переключений в речи билингвов. Дialectы российских немцев Вятского региона имеют статус переселенческих и являются исчезающим надрегиональным образованием. В немецком языке Вятского региона отражаются процессы, обусловленные многократными переселениями во время Второй мировой войны. В результате этих переселений возникли процессы взаимодействия диалектов, отсутствующие в материнских колониях. Появившаяся в результате этих процессов форма языка можно считать региональным немецко-русским интерязыком (interlanguage). Исследование проблематики взаимодействия языков, просуществовавших более двух столетий в анклавах, которые трансформировались как территориально, так и по составу представителей тех или иных диалектов, имеет большое значение для понимания процессов, связанных с современными языковыми контактами. Постоянная смена языка коммуникации ведет к появлению процессов интерференции в речи и становлению билингвизма лиц, проживающих в языковом или диалектном острове. Для описания этих процессов выполнено изучение записей интервью немцев-билингвов, полученных в экспедициях в регионе. В результате исследования выделены и описаны фонетические сегментные и суперсегментные единицы, морфологические и синтаксические процессы взаимодействия в русской и немецкой речи российских немцев Вятского региона России. Все эти процессы в речи немцев на первом и втором языках, а также их искажение и смешение характеризуют механизмы формирования билингвистических компетенций и степень их сформированности.

Ключевые слова

интерференция, билингвизм, языковой остров, контактная вариантология, смешанная форма языка

Для цитирования

Бухаров В. М., Байкова О. В. Взаимодействие языков и интерференция в речи немцев-билингвов Вятского региона России // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-5-18

Interaction and Interference of Languages in Bilingual Germans of the Vyatka Region of Russia

Valeriy M. Bukharov¹, Olga V. Baykova²

¹ Linguistic University
Nizhniy Novgorod, Russian Federation

² Vyatka State University
Kirov, Russian Federation

Abstract

The article examines the interaction of the German and Russian languages in the speech of bilingual Germans who were born and live in a Russian-speaking environment in the Vyatka region of Russia. This task involves the study of their usage, interference (including phonetic, lexical and syntactic assimilation), as well as borrowings and code-switching. The dialects of the Russian Germans of the Vyatka region have a status of migrant and belong to a category of vanishing supra-regional linguistic entities. The function of this variety of language is to provide a link between the native German language of the immigrants (L1) and Russian, their major surrounding language (L2). In addition, the German language of the Vyatka region reflects new linguistic contacts caused by multiple forced migrations during the Second World War. As a result of these mass relocations, some new processes in interaction of dialects arose, not observed in their mother colonies. The resulting variety of usage can be referred to as a German-Russian interlanguage. Before the World War II, all German dialects for more than two centuries have been confined in Russia to enclaves (or dialect islands). After mass deportations, they transformed both geographically and, for certain dialects, in terms of social composition. Taking this into account, the study of their interactions acquires greater importance for understanding similar processes associated with modern intercultural language contacts, in general. These changes in the language environment boosted linguistic interference at all levels; they also account for the tendency to bilingual behavior common both for speakers of standard and dialectal German. Our analysis of these processes is based on the interviews with bilingual Germans of the Vyatka region of Russia recorded during dialectological trips to this enclave. The study identifies and describes phonetic interactions (both segmental and super-segmental), morphological and syntactic interferences in the Russian and German speech of the Germans of this dialect island. All these processes in L1 and L2, as well as their distortion and mixing, are typical for the mechanisms governing their bilingual performance as well as the degree of its stability.

Keywords

interference, bilingualism, language island, contact variantology, interlanguage

For citation

Bukharov, Valeriy M., Baykova, Olga V. Interaction and Interference of Languages in Bilingual Germans of the Vyatka Region of Russia. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-5-18

Введение

Современная языковая картина мира характеризуется активными процессами взаимодействия языков в силу перераспределения научных, культурных, экономических, политических центров, связей и приоритетов. Все это способствует развитию контактной вариантологии как самостоятельного направления в лингвистике (см., например, работы В. В. Kachru [1986], З. Г. Прошиной [2017], В. В. Федорова [2019] и др.). В результате концепция национальных вариантов языков, таких как английский, немецкий, французский, испанский и др., активно разрабатываемая во второй половине прошлого столетия, получила новый вектор развития в сторону изучения модификаций системного и нормативного характера в контактирующих языках за пределами их исторических ареалов распространения.

Появление вариантов языка в результате соприкосновения двух или нескольких языков на территории распространения одного из них не является новым явлением в истории языкового варьирования (см., например: [Интерференция звуковых систем, 1987. С. 4; Вайнрайх, 1979]). Следствием взаимодействия языков являются так называемые языковые или диалектные острова, например немецкие острова в России, Аргентине, Венесуэле, США и других регионах. Однако в немецкой диалектологии России остается еще немало вопросов, которые

требуют своего рассмотрения. Например, факт существования немецких языковых островов в России и Казахстане даже не отражен на таком авторитетном информационном портале, как «Этнолог»¹, где присутствуют только варианты немецкого языка в Венесуэле (*La Colonia Tovar*) и США (*Pennsilfaani Deitsch*).

Контактные и островные варианты языков различаются тем, что в языковых островах речь идет о языке-«пришельце» и народе, для которого он родной, но функционирует в общих с местным (неродным) языком ситуациях, т. е. два народа – два языка. В многочисленных современных работах по языковым контактам речь идет прежде всего о ситуациях, требующих активного использования иностранного языка, например английского, в ситуациях академического, научного, политического, экономического общения, в публикациях, СМИ, на конференциях и т. п. [Федоров, 2019] (см. также серию публикаций: [Languages in Contact, 2010]). Другими словами, наблюдается иная модель формирования языкового взаимодействия: один народ – два языка, один из которых – неродной. Объединяет эти подходы то, что в любом случае человек должен владеть двумя языками, т. е. фактически быть билингвом. Билингвизму же переселенцев, проживающих несколько поколений в окружении неродного языка, характерен естественный характер его становления. Он возникает не в результате обучения или общения в специальных ситуациях, а в процессе внутри- и межсемейного общения и коммуникации в окружении иноязычных этнических групп в бытовой, профессиональной и социальной сферах.

Изучение явления билингвизма в языковых или диалектных немецких островах в России, таким образом, не только предполагает рассмотрение специфики систем и норм реализации взаимодействующих языков, но и ставит своей задачей изучение результатов этого взаимодействия в речевой практике билингвов.

1. Теоретические вопросы интерференции и билингвизма

Взаимодействие языков в речи билингвов связывается в лингвистической литературе вслед за У. Вайнрайхом с понятием интерференции, которую он определял как феномен речи, влияющий на нормы любого языка, участвующего в контакте. Это влияние, по мнению У. Вайнрайха, приводит к изменениям в структуре единиц воспринимающей системы языка (*rearrangement of patterns*) [Weinreich, 1953. Р. 1]. Таким образом, источником интерференции является речевая деятельность билингвов, причем проживание на одной или смежных территориях людей, говорящих на разных языках, не обязательно имеет следствием интерференцию или ассимиляцию языков. У. Вайнрайх в работе, посвященной языковым контактам в Швейцарии, описывает ситуацию в двуязычных городах Биль и Фрибург (*Biel und Fribourg*) начиная с 1880 г. и отмечает, что среди населения, проживающего на языковой границе, т. е. фактически в одном населенном пункте, наблюдается незначительная миграция, но языковая ассимиляция отсутствует [Weinreich, 2011. Р. 333]. Рассмотрение языковой ситуации в немецких диалектных островах в России свидетельствует о том, что она принципиально отличается от ситуации в Швейцарии. В России речь идет не о пограничных контактах различных языков, а об анклавах, изолированных от основного ареала, в которых совместно проживают, работают, создают смешанные семьи люди с разными родными языками. В этом случае логично предположить большую степень взаимодействия языков на уровне норм реализации и заимствований, которые, в свою очередь, могут привести к системным сдвигам.

1.1. Интерференция и норма

Коммуникация в пределах языкового острова характеризуется непрерывной сменой языка общения, в том числе и в рамках одного коммуникативного акта. В результате единицы ис-

¹ Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/>.

пользуемых языков могут проникать как из первого языка во второй, так и в обратном направлении (см., например: [Карлинский, 1985; Михайлов, 1969. С. 61]). Этот процесс сопровождается, по мнению ряда исследователей, отклонениями от норм реализации и даже их искажениями [Верещагин, 1969. С. 136; Meng, Protasova, 2001. S. 446]. В результате этих процессов появляются варианты норм разносистемных языков, находящихся в контакте. Этой проблеме уделяется большое внимание и в современной контактной вариантологии. На материале английского языка, который является основным объектом исследования, выделяют эндо- и экзонормы [Kachru, 1986. P. 21]. Первая следует правилам реализации английского стандарта, а вторая включает элементы контактирующего языка.

Явление интерференции наблюдается только в речи билингвов, общающихся без участия третьего языка – посредника. Данное обстоятельство предполагает антропоцентрический подход к изучению интерференции как формы взаимодействия языков и поликодовый характер передачи информации. Это означает, что отправной точкой исследования является не наличие отклонений от нормы в первом или втором языке билингвов, а вызывающие их причины, связанные с коммуникативными компетенциями последних и процессами овладения ими. Так, например, исследователи, работающие над проблемой микровариаций в мультиязыковых сообществах (МСМ – Micro-Cues Model), основываясь на принципе универсальной (порождающей) грамматики, пришли к выводу, что определенный набор структурных правил порождения языка является врожденным для человека и не зависит от его сенсорного опыта [Westergaard, 2014. P. 1]. По мнению Марит Вестергаард, универсальная грамматика предоставляет детям принципы, функции и способности анализировать процессы создания единиц языка на основе получаемых на входе данных (input), но не готовые модели. Входные сигналы являются при этом микросигналами, и процесс овладения ими длительный. Дети, как показывают исследования, успешно овладевают элементами синтаксической структуры, а ошибки (отклонения от нормы), появляющиеся в их речи, связаны с экономией и завышенным темпом овладения языком (см. подробнее: [Westergaard, 2014]).

Таким образом, интерференция в мультиязыковом сообществе – это взаимодействие реализаций языков в речи билингвов, обусловленное совпадениями или различиями в ментальных механизмах порождения речи на разных языках. Результаты взаимодействия языков могут остаться индивидуальной характеристикой речи билингва, но в случае их распространения и признания в языковом сообществе они могут составить разновидность группового варианта родного, в нашем случае немецкого языка, диалектного острова и вариант его нормы. Эту разновидность нормы вряд ли можно отождествлять с эндонормой Качру, поскольку она генетически далека от немецкого стандарта, это, скорее, статистическая норма – “Ist-Norm” островного диалекта. В ней также нет признаков, так называемой, внутриязыковой интерференции, поскольку отсутствует взаимодействие со стандартной вариацией, т. е. литературным языком.

1.2. Интерференция и заимствования

Изучение языковых контактов изначально предполагает заимствование элементов одного языка другим. У. Вайнрайх еще в 1951 г. в диссертации обращал внимание на необходимость различения заимствований в речи и заимствованных элементов в языке. К сожалению, текст этой работы не опубликован, однако с ее содержанием можно достаточно полно ознакомиться в реферативном обзоре диссертации, сделанном Иларией Фиорентини [Fiorentini, 2011]. Согласно У. Вайнрайху, элемент языка приобретает статус заимствования в другом языке, если он становится ассимилированным паттерном структуры последнего. В остальных случаях речь может идти об интерференции в речи билингва [Ibid. P. 40]. Другими словами, У. Вайнрайх выводит заимствования за рамки интерференции. Этот вывод он делает на основе наблюдения над соседствующими в Швейцарии немецким и французским языками, отмечая нетерпимость к включению системами этих языков иноязычных лексических единиц,

а их взаимодействие рассматривает как интерференцию. Он обратил внимание на стабильность языковых границ в Швейцарии: их смещение наблюдалось лишь вслед за миграцией населения в сельской местности, что подтверждают и исследования в тех же регионах в последние десятилетия [Kim, 2010. P. 105].

Языковая ситуация в диалектных островах России и в бывшем СССР также характеризуется длительной историей, но в отличие от Швейцарии имеет нестабильные границы их распространения. Достаточно сильная миграция немецких переселенцев наблюдалась в начале их появления, но принудительная депортация 40-х гг. прошлого столетия оказала разрушительное воздействие на язык. Это привело, с одной стороны, к смешению различных по исторической основе диалектов в речи переселенцев, а с другой – к усилению воздействия на немецкий язык русского в силу необходимости его включения при общении с окружающим социумом практически во всех коммуникативных ситуациях.

Усилению степени воздействия русского языка также способствовало прекращение деятельности немецких образовательных и культурных организаций бывшей Республики немцев Поволжья, что обусловило снижение уровня языковой компетенции переселенцев – этнических немцев. Русский язык стал уже средством общения не только в профессиональной и административно-деловой коммуникации, но нередко и в повседневной жизни. Это было связано с такими социально-демографическими факторами, как возраст, образование, межнациональные браки, а также с искусственно затрудненным доступом немецких переселенцев к немецкому стандартному (литературному) языку (подробнее об этом см.: [Байкова, 2009]). В такой билингвальной языковой ситуации усилилась, как и следовало ожидать, тенденция к росту числа лексических заимствований в родном (немецком) языке из русского, поскольку в окружающей действительности постоянно возникали реалии, не имеющие эквивалентов в немецкой языковой практике переселенцев. Появились, например, такие лексические единицы, как *трудармия*, *лесоповал*, *тепушка (вагон)* и др. Их появление не является, однако, следствием интерференции. Они заполняют семантические пустоты в первом языке и начинают выполнять посредническую функцию в межъязыковой коммуникации, становясь паттернами немецкой диалектной нормы.

1.3. Задачи и материал исследования

Рассмотрение теоретических аспектов взаимодействия немецкого и русского языков в речи билингвов в Вятском немецком языковом острове России свидетельствует о наличии открытых вопросов, для исследования которых необходимо решить следующие задачи: 1) установить направление, характер и степень интерференции в речи немецкоязычных билингвов региона; 2) выяснить, насколько активно в процессе взаимодействия участвуют единицы различных уровней языка. В качестве основы для межъязыкового сопоставительного исследования речи билингвов выбраны реализации фонетического и грамматического уровней, поскольку лексическое взаимодействие в немецких диалектных островах является предметом детального рассмотрения во многих работах, посвященных изучению этого вопроса. Лексико-семантическая информация привлекается только в тех случаях, где невозможно рассматривать языковые единицы или процессы без ее использования.

Для ответа на поставленные вопросы использовался банк аудиозаписей Лаборатории социалингвистических исследований Вятского государственного университета (руководитель – профессор О. В. Байкова). Из общего массива записей были выбраны интервью продолжительностью по 3–4 минуты каждое с немецкими переселенцами в регионе Вятки в количестве 26 человек (10 мужчин и 16 женщин, возраст от 75 до 90 лет), сохранивших и использующих свои родные диалекты в повседневной жизни. Общая длительность звучащего материала составляет 95 минут. Полученные аудиозаписи были транскрибированы. Они содержат биографии информантов и развернутые ответы на вопросы без ограничения их тематики. Объем транскрипта 105 страниц. Материал отобран таким образом, чтобы получить и сопоставить

данные о влиянии неродного русского языка на немецкий и родного немецкого на русский на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях реализации. При отборе материала учитывалась частотность наблюдаемых явлений, единичные и низкочастотные явления из рассмотрения исключались. В качестве порога принята частотность повторяемости от 20 %.

2. Фонетическая интерференция в немецком диалектном острове Вятского региона России

2.1. Фонетическая интерференция в первом языке немцев-билингвов

Развитие современных компьютерных технологий исследования звучащей речи предоставляет широкие возможности для изучения фонетической специфики речи билингвов. Эти исследования на материале немецких островных диалектов позволяют рассмотреть два аспекта проблемы фонетической интерференции: варьирование в реализации звуковой системы диалекта в сопоставлении с нормой стандарта и результаты взаимодействия двух систем в речи билингвов как на родном – немецком, так и на втором – русском языке. В качестве примера первого направления исследований можно привести работы Н. Н. Гроцкой и Т. В. Корбмахер [2020], Л. И. Москалюк [2002] и др. Второе направление активно разрабатывается в Вятском немецком диалектном острове (Кировская область) и является частью проекта, выполняемого сотрудниками Лаборатории экстралингвистических исследований Вятского госуниверситета в содружестве с Нижегородским лингвистическим университетом.

Наблюдения над произношением немцев-билингвов на родном языке показали, что их произносительная норма формируется под влиянием семейного воспитания и статистическая частотность отклонений от норм исходных диалектов в них незначительна. Произношение информантов далеко от стандартной нормы, но это следствие не межъязыковой интерференции, а истории развития этих диалектов.

2.2. Фонетическая интерференция во втором языке немцев-билингвов

Русское произношение немцев-билингвов в Вятке характеризуется сильным воздействием первого – родного немецкого языка. Фонетическая реализация в их русской речи, несмотря на то что использование русского языка занимает важное место в общении, содержит следы влияния немецких родных диалектов как на сегментном, так и на суперсегментном уровне. К результатам взаимодействия на сегментном уровне можно отнести уподобления, кодовые переключения и заимствования в произнесении звуков русского языка.

1. Уподобления реализации

Для фонетической базы немецкого языка характерна артикуляционная напряженность. Это свойство имеет следствием уподобление реализаций русских глухих согласных фонем немецким.

- Напряженность артикуляции глухих взрывных согласных обуславливает в позициях начала, конца ударного слога и в интервокальной позиции характерный для немецкого произношения фонетический процесс придыхания или аспирации: [p^h], [t^h], [k^h]. Этот процесс переносится в русское произношение вятских немцев, прежде всего, в позиции анлаута и ауслаута ударного слога: [p^hap^ha, at^hets, t^hut^h, let^h] и т. п.

- Аспирация шумных взрывных наблюдается также в позиции начала первого и даже второго предударного слогов: [t^hudá, na p^haRaXóde].

- Особенно заметно немецкое звучание для восприятия в русских консонантных кластерах, например: [k^hazakst^han]. Сочетание [ks] в русском произношении ассимилируется в [x], однако немецкая напряженность артикуляции не допускает эту ассимиляцию, и реализуется отчетливая смычка, но без аспирации перед последующим щелевым [s]. В слове *детство*

сочетание [ts] в русском произнесении объединяется в аффрикату [ц]: де[ц]тво. В речи немца-билингва согласный [t] произносится без аспирации, но с отчетливой смычкой: де[t]ство.

- В реализации переднеязычных согласных [t, d, s, n, l,] доминирует апико-альвеолярный способ образования.

- К уподоблениям можно отнести реализацию среднеязычного палатального [ç] после гласных переднего ряда [i], [e]: [u niç], [fseç] вместо велярного русского [x]: у них, всех.

- Примером уподобления произнесения русских гласных [э], [о] более закрытыми и высокими немецкими [i], [u]: немец [nimets], год [gud] и т. п. Это можно объяснить тем, что в русском артикуляционном укладе значимыми являются только две точки места образования гласных среднего подъема, в немецком их пять. Смещение языка можно рассматривать как тенденцию приближения и уподобления русского произносительного уклада немецкому.

- Аналогичный процесс в речи немцев-информантов наблюдается при реализации русского гласного среднего ряда [ы]. Этот звук в немецкой фонетической системе отсутствует и заменяется наиболее близким к нему по месту образования немецким гласным “ü”: [my:] (мы), [vy:] (вы) и т. д.

2. Кодовые переключения – input switch

- В немецком языке отсутствует оппозиция твердых и мягких (палатализованных) согласных [n] – [n’], характерная для русской фонетической нормы: [n] – нас, народ, комендант; [n’] – немцы, ступеньки и др. В данном случае можно говорить о фонологическом переключении: русская дистинктивная пара /n/ – /n’/ заменяется реализацией немецкой фонемы /n/.

- В произношении большинства информантов наблюдается оглушение начальных звонких согласных, что является не уподоблением в русском произнесении немецкой артикуляции, а переключением с русской фонологической оппозиции <звонкий – глухой> на немецкую <lenes – fortis> (неинтенсивный / интенсивный): [dedstvo]. При этом ленисный начальный согласный [d] не аспирируется, что производит перцептивное впечатление неаспирированного звука [t] или [d], произносимого без участия голоса.

3. Заимствования фонетических процессов и единиц

В отличие от лексических заимствований включение в произносительную систему русского языка отсутствующих в ней звуковых типов можно считать интерференцией, поскольку в основе этого заимствования лежат уподобление и кодовые переключения, а не включение в принимающую систему. К таким процессам можно отнести следующие.

- Немецкий глухой взрывной [k] в южнонемецких диалектах переходит вследствие верхненемецкого передвижения в аффрикату [kx]. В речи переселенцев с юга Германии, прежде всего швабов, отмечается появление этой аффрикаты в их речи на русском языке: [kxart^ho]k^ha], [kxarova] (картошка, корова) и т. п.

- В русских кластерах [нк], [нк’] реализуется носовой заднеязычный согласный [ŋ], поскольку эта позиция характерна для немецкой фонемы /ŋ/ или кластера /ŋk/: [valenjk^hi], [s reb’oŋk^hom] (валенки, с ребенком).

4. Интерференция в просодической организации речи

К обусловленной интерференцией просодической специфике русского произношения в речи немецких билингвов в Вятском регионе, можно отнести следующие особенности:

- уподобление динамического компонента ударения гласных немецкой усиленной напряженности ударного слога;

- удлинение безударных гласных в конечных открытых слогах русских слов: [картошк̄а, плох̄а, лет̄а, работ̄а], качественная редукция безударных гласных при этом практически отсутствует;

- появление акцентных моделей с дополнительным ритмообразующим ударением в многосложных словах, подобно нормам немецкой акцентологии, например: в ботиночках, извозчиков, донесений, воспаление;

- удлинение безударных гласных в открытых слогах в русском произношении обуславливает относительно равномерное распределение длительности слогов многосложных слов и создает специфический ритм, нехарактерный для русской просодики: [празд-ни-ки; жён-щи-на];
- ритм в русском произношении немцев зависит и от так называемого «нового» или «твердого» приступа гласных в начале неприкрытых слогов: [‘ana ‘adna; piRi’afomili] (*она одна, переоформили*).

3. Грамматическая интерференция в немецком диалектном острове

Проблема грамматической интерференции в контактирующих языках связана с дискуссией о том, являются ли грамматические системы разных языков в принципе взаимопроницаемыми (см., например, работы Л. И. Баранниковой [1972], Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко [1972], В. М. Жирмунского [1956], А. Мейе [Meillet, 1967], В. Ю. Розенцвейга [1963], Э. Сепира [Sapir, 1993] и др.).

Теоретические основы возможности взаимодействия языков на грамматическом уровне – как морфологическом, так и синтаксическом, обосновал У. Вайнрайх в своей диссертации (глава 3, см.: [Fiorentini, 2011]). Неоднозначность этой проблемы заключается прежде всего в подходе к пониманию явления интерференции, и, поскольку У. Вайнрайх ограничил ее взаимодействием в речи, а не в системе языка, это снимает противоречие в трактовке результатов взаимодействия языков на грамматическом уровне. Особая сложность рассмотрения данной формы интерференции в речи билингвов заключается в том, что в немецком языковом острове в Вятском регионе России взаимодействуют генетически противопоставленные в основном ареале диалекты: нижне- и верхнемецкие как следствие их вторичного смешения в ходе депортации в прошлом столетии (см., в частности: [Бухаров, Байкова, 2018]).

3.1. Грамматическая интерференция в первом языке немцев-билингвов

В речи информантов на родном немецком языке, вернее диалекте, наблюдается интенсивное смешение грамматических форм различного происхождения: русских и инодиалектных как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне.

1. Морфологическая интерференция

- Типичной для морфологической специфики немецкого языка в речи российских немцев в Вятском регионе является реализация категории склонения существительных и связанное с ней употребление артиклей. Так, например, в речи информантов рассматриваемого региона широко представлены формы артиклей и местоимений, которые имеют значение рода и падежа, отличающиеся от стандартного немецкого языка: *on dr dorf – ins Dorf* (ср. р., Akk), *of dr pensə – на пенсии* (ж. р., Dat); *dn holts – das Holz* (ср. р., Akk), *ds holts* (ср. р., Nom), *mət dm fa:tə – mit dem Vater* (м. р., Dat), *of də flu:s – auf dem Fluss* (м. р., Dat), *ən də duma – in der Duma* (ж. р., Dat). Все эти артикли встречаются в современных южно-немецких диалектах, в частности швабском, и поэтому их можно рассматривать только как заимствования для северо-немецких диалектов, которые составляют часть смешанного состава Вятского диалектного острова.

- Опускание артикля. Артикль в речи информантов отсутствует перед датами: “*en tsveonfertsek jor*”, т. е. по русской модели *в сорок втором году*, а не немецкое *in 1942*. То же самое наблюдается при включении в речь русских слов: *ham jəfikt n kolxos, in trudarme* (*послали в колхоз, в трудармию*); *vir ham monat glebt* (*мы прожили месяц*); *vir vourda frjkd in zimofka* (*нас послали на зимовку*) и др. Эти примеры свидетельствуют о переключениях в морфологическом оформлении фраз с немецкого языка на русский, т. е. о русско-немецком направлении интерференции.

- Нарушение модели построения сложных глагольных грамматических форм за счет опущения вспомогательных глаголов “haben / sein”: mein bru:dr gštorbn с *голода* (вместо *ist gestorben*); als dojarkoj g’arvet (вместо *habe gearbeitet*).

В результате рассмотрения реализации морфологических структур в речи немецких информантов установлено ограниченное число перечисленных выше примеров влияния русской грамматики на немецкую. Это свидетельствует об относительной закрытости морфологической системы немецких диалектов от интерферирующего воздействия русского языка. Особое место в этом процессе занимают модификации аналитических форм, вступающих в противоречие с синтетическим строем русского языка. Случаи элиминации артиклей в предложных сочетаниях скорее можно отнести к лексическому взаимодействию, например, форма *en zimofka* не соответствует ни русской, ни немецкой модели: русск. *на зимовку* и немецкое *für* или *zu*.

2. Синтаксическая интерференция

Влияние русского синтаксиса на структуру предложений в родном языке немецких переселенцев – билингвов связано, прежде всего, с порядком слов, особенно в сложных предложениях, и предложным управлением. Исследование в Вятском регионе показало, что синтаксическая структура в речи билингвов не обладает таким уровнем замкнутости и автономности, как морфологическая. К числу наиболее активных процессов синтаксического взаимодействия немецкого и русского языков можно отнести следующие.

- Контактное расположение частей сложных форм сказуемого без типичной для немецкого языка рамочной конструкции:

ih ben gboire in jor... – *я родилась в ... году* (Ich bin im Jahre ... geboren);

Jon hir habe ih garbeid in vold – *уже здесь я работала в лесу* (Schon hier habe ich im Wald gearbeitet);

fil leit ham g’arbeid n vold – *много людей работали в лесу* (Viele Leute haben im Wald gearbeitet);

di solte fara med dm fate – *они должны ехать с отцом* (Die sollten mit dem Vater fahren)

- Второй по значимости и частотности характеристикой синтаксической интерференции в речи немецких билингвов является нарушение принципа двусоставности немецкого предложения, особенно при оформлении безличных предложений. Например: fver tseide – (*Тяжелые времена* – Es sind schwere Zeiten).

- В исследуемом языковом материале обнаружены отдельные случаи опущения частицы *zu*: se enfang weine (*sie fing zu weinen an*), что также можно считать результатом воздействия русского языка.

- К интерференции в речи российских немцев можно отнести характерную для русского разговорного языка синтаксическую редупликацию, в частности повторы различных членов предложения: ver ham imr garved, garved, garved (*мы постоянно работали, работали, работали*).

- В немецких диалектах Вятского языкового острова широко распространено полиотрицание: mein mama er fvestr hat **kaine** kindr **nich** (*Meiner Mutter ihre Schwester hat keine Kinder*). Однако это явление можно лишь условно считать межъязыковой интерференцией, поскольку несколько отрицаний в одном предложении возможны в ряде немецких диалектов, в том числе и современных.

Особое место в синтаксической структуре немецкого языка занимают предложные сочетания и падежное управление предлогов. Анализ материалов интервью российских немцев Вятки показал, что в большинстве случаев отклонения в употреблении предлогов связаны не с грамматической интерференцией, а с калькированием соответствующих русских словосочетаний с предлогами, характерным для обозначения понятий, действий и процессов из сферы совместного тесного бытового и профессионального общения с русскими соседями (русские традиции празднования рождества, пасхи и т. п.), или же со случаями отсутствия в изолированной от основного ареала языковой практике обозначений для ряда явлений:

быть на пенсии, учиться на кого-либо и т. п. В большой степени это связано также с многозначностью предлогов, несовпадающей в немецком и русском языках. Так, например, в большинстве случаев русскому предлогу *на* соответствует немецкий *auf* (*на столе* – *auf dem Tisch*). В немецкой речи билингвов этот предлог употребляется независимо от значения, если в русском языке ему соответствует предлог *на*: *uf di veinacht* (*на Рождество*), *uf di oste* (*на Пасху*); *of dr pense* (*на пенсии*).

Структура немецких словосочетаний может также меняться под влиянием русского языка в случае использования лексических заимствований, которые включаются в немецкую речь вместе с синтаксическим окружением: нем. *als etw. arbeiten* – русск. *работать кем-то*. Пример из интервью билингва: *f kelçose dejarkoj hat sə g'arvait* – *работала дояркой*, а не *als Melkerin*.

Исследование продемонстрировало, что показатель частотности синтаксического варьирования в структуре немецких предложений, которые можно связать с интерференцией русского языка, колеблется пределах 45–50 %. При этом различающиеся варианты реализации синтаксических единиц могут наблюдаться буквально в смежных высказываниях. Это касается и употребления артикля, и порядка слов, и двусоставности немецкого предложения. Подобные варианты структуры предложений являются, следовательно, результатом проникновения отдельных элементов русского синтаксиса в речь немецких билингвов, но не становятся при этом паттернами системы немецких диалектов рассматриваемого диалектного острова. Некоторые из рассмотренных вариантов не встречаются в описаниях немецких диалектов ни одного из других регионов России и Казахстана.

3.2. Грамматическая интерференция во втором языке немцев-билингвов

В речи немцев на русском языке зафиксированы единичные или низкочастотные (до 5 %) случаи грамматического варьирования, которые можно объяснить интерференцией первого (немецкого) языка. К числу относительно распространенных (с частотностью 20–25 %) относятся смешение грамматического рода и предложно-падежное управление глаголов, т. е. категории, максимально различающиеся в контактирующих языках.

Грамматический род в немецком языке выражается либо артиклем, отсутствующим в русском языке, либо суффиксами, не имеющими русских аналогов: *die Front* (ж. р.) – *Фронт везде ила*; *der Mantel* (м. р.) – *большой пальто*; *der Sommer* (м. р.) – *каждый лето*. Данный вариант взаимодействия языков можно рассматривать как уподобление русской грамматической формы немецкой.

Глагольное управление и связанное с этим использование падежей нередко переносятся в русский язык немецких «островных» билингвов: в словосочетании *обучать русский язык* по аналогии с немецким глаголом *lehren* (обучать) употребляется винительный падеж. Подобное варьирование является примером кодового переключения в системе средств выражения синтаксических отношений. При этом установлено, что количество случаев уподобления и переключения значительно меньше в русском (втором) языке немцев-билингвов, чем в первом – родном немецком, т. е. степень влияния второго языка на первый – родной – выше.

Заключение

Исследование речевого поведения немцев-билингвов Вятского региона России показало, что на фонетическом уровне немецкий язык оказывает сильное интерферирующее воздействие на их второй – русский – язык. В результате этого воздействия в русском произношении «вятских» билингвов появляется большое число модификаций реализации гласных и согласных звуков. Это связано прежде всего с наложением русского произношения на немецкую субстратную произносительную основу, которая формируется в раннем детском возрасте

в семье: напряженность и стабильность артикуляции и связанные с этим придыхание согласных, приступ и отступ гласных, удлинение безударных гласных в открытых слогах и др. Кроме того, воздействие немецкого произношения на русское поддерживается кодовыми переключениями фонологических оппозиций типа <глухой / звонкий> → <fortis / lenes> и заимствованиями отсутствующих в русском языке звукотипов, как, например, [ç] или [kx]. Влияние русского произносительного уклада на немецкий практически отсутствует, т. е. наблюдается реализация модели интерференции L1 → L2. Подобный характер фонетической интерференции типичен и при обучении иностранным языкам.

На морфологическом уровне в речи вятских немцев-билингвов зафиксировано достаточно большое варьирование в реализации немецких грамматических категорий, что может свидетельствовать о сильном воздействии русской морфологии на немецкую в речи билингвов, т. е. о смене направления интерференции: L1 ← L2. Однако было бы преждевременным утверждать это категорически, поскольку особенностью Вятского региона является смешение южных верхненемецких и нижненемецких диалектов в ходе второй волны депортации 1940–1941 гг.

Большая часть переселенцев говорит на швабском диалекте, и сопоставление его особенностей с системными характеристиками современных швабских диалектов на юге Германии свидетельствует о наличии в них признаков, схожих с теми, которые отмечены у российских немцев в Вятском регионе. К числу морфологических инноваций, которые однозначно трактуются как влияние русской грамматики, можно с уверенностью отнести искажение образования и употребления сложных глагольных форм. Немецкий синтаксис подвергается интерферирующему воздействию со стороны русского языка, особенно в области порядка слов, в большей степени, чем морфология.

Таким образом, языки немцев-билингвов в рассматриваемом регионе обнаруживают следы достаточно сильного воздействия в направлении от родного языка к русскому в области фонетики. Обратное воздействие на немецкий язык прослеживается прежде всего в синтаксисе. Морфологическая система немецкого языка характеризуется большей закрытостью, чем синтаксис, при этом следы участия стандартной (литературной) вариации полностью отсутствуют. Подобная языковая ситуация характерна для пиджинизации языков, находящихся в изолированном языковом острове. Избежать пиджинизации в регионах депортации немецкому языку удалось лишь благодаря стремлению сохранить самобытную культуру и национальную идентичность. Однако в речи немцев-билингвов Вятского региона на первом и втором языках отмечаются формы, являющиеся результатом двойного смешения: междиалектного и межъязыкового, что привело к формированию особой формы существования языка, которую можно считать смешанной или третьей формой языка (interlanguage).

Список литературы

- Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции. Киров: ВятГГУ, 2009. 234 с.
- Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее появления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 88–102.
- Бухаров В. М., Байкова О. В. Швабский диалект в Крыму: тенденции в развитии фонетической системы // Вестник ТвГУ. Филология. Тверь: ТвГУ, 2018. № 4. С. 32–41.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 260 с.
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.
- Гроцкая Н. Н., Корбмахер Т. В. Фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных ре-

- цептов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 33–44.
- Дешериев Ю. Д., Протченко, И. Ф.** Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 26–42.
- Жирмунский В. М.** Немецкая диалектология. М.; Л.: АН СССР, 1956. 635 с.
- Интерференция звуковых систем / Отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 278 с.
- Карлинский А. Е.** Проблема теории языковых контактов // Языковые контакты и интерференция: Сб. науч. ст. / Под ред. А. П. Комарова. Алма-Ата, 1985. С. 110–114.
- Михайлов М. М.** Двуязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969. 135 с.
- Москалюк Л. И.** Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 291 с.
- Прошина З. Г.** Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории // World Englishes Paradigm. М.: Флинта, 2017. 208 с.
- Розенцвейг В. Ю.** О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 57–66.
- Федоров В. В.** Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2019. 40 с.
- Fiorentini, I.** Summary of: Weinreich, U. Languages in Contact: French, German and Romansh in twentieth-century Switzerland. University of Pavia / Free University of Bozen, Italy, 2011. LINGUIST List: Vol-23-3396. International Linguistics Community online. URL: https://www.academia.edu/1856229/Review_of_Weinreich_2011_Languages_in_Contact
- Kachru, B. B.** The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. Oxford, Pergamon, 1986, IX + 200 p.
- Kim, R. I.** Uriel Weinreich and the birth of modern contact linguistics. Eds. Piotr P. Chruszczewski and Zdzisław Wąsik. In: Languages in Contact. Philologica Wratislaviensia: *Acta et Studia*. Philological School of Higher Education in Wrocław Publishing, 2010, p. 99–111.
- Languages in Contact. Philologica Wratislaviensia: *Acta et Studia*. Philological School of Higher Education in Wrocław Publishing, 2010. 215 p.
- Meillet, A.** Comparative Method in Historical Linguistics. Paris, Champion, 1967, 141 p.
- Meng, K., Protasova, T. I.** Russlanddeutsche Sprachbiografien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen, Narr, 2001, 549 S.
- Sapir, E.** Selected Works on Linguistic and Cultural Studies. Moscow, Progress, 1993, 656 p.
- Weinreich, U.** Languages in contact: Findings and problems. The Hague, Paris, New York, Mouton Publishers, 1953, 212 p.
- Weinreich, U.** Languages in contact: French, German and Romansh in twentieth-century Switzerland. With an introduction and notes by Ronald I. Kim and William Labov. Amsterdam, John Benjamins, 2011, xxxiv, 401 p.
- Westergaard, M.** Linguistic variation and micro-cues in first language acquisition. *Linguistic Variation*, 2014, vol. 14, iss. 1, p. 26–45.

References

- Barannikova, L. I.** The Essence of language interference and the specifics of its emergence. In: Problems of bilingualism and multilingualism. Moscow, Nauka, 1975, p. 88–102. (in Russ.)
- Baykova, O. V.** German Island dialects in Terms of Language Interference. Kirov, Vyatka University, 2009. 234 p. (in Russ.)
- Bukharov, V. M., Baykova, O. V.** The Swabian Dialect in the Crimea: Tendencies in the Development of Phonetic System. *Bulletin of the Tver University. Philology*, 2018, no. 4, p. 32–41. (in Russ.)

- Grotskaya, Nina N., Korbmakher, Tatyana V.** Phonetic and Prosodic Characteristics of the German Dialects in Comparison to the Standard German Language (Based on the Cooking Recipes of Russian Germans). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 33–44. (in Russ.)
- Desheriev, Yu. D., Protchenko, I. F.** Basic Aspects of the Study of Bilingualism and Multilingualism. In: *Problems of Bilingualism and Multilingualism*. Moscow, Nauka, 1972, p. 26–42. (in Russ.)
- Fedorov, V. V.** Linguistic and extralinguistic parameters of English-language newspaper and magazine journalism in East Asia. Summary of the PhD Thesis (Doctor of Linguistic Science). Nizhny Novgorod, 2019, 40 p. (in Russ.)
- Fiorentini, I.** Summary of: Weinreich, U. *Languages in Contact: French, German and Romansh in twentieth-century Switzerland*. University of Pavia / Free University of Bozen, Italy, 2011. LINGUIST List: Vol-23-3396. International Linguistics Community online. URL: https://www.academia.edu/1856229/Review_of_Weinreich_2011_Languages_in_Contact
- Kachru, B. B.** *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes*. Oxford, Pergamon, 1986, IX + 200 p.
- Karlinsky, A. E.** Language contacts as a theoretical problem. *Language Contacts and Interference*. Alma-Ata, 1985, p. 110–114. (in Russ.)
- Kim, R. I.** Uriel Weinreich and the birth of modern contact linguistics. Eds. Piotr P. Chruszczewski and Zdzisław Wąsik. In: *Languages in Contact. Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia*. Philological School of Higher Education in Wrocław Publishing, 2010, p. 99–111.
- Interference of Sound Systems** / Eds. L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya. Leningrad, LSU Press, 1987, 278 p. (in Russ.)
- Languages in Contact. Philologica Wratislaviensia: Acta et Studia. Philological School of Higher Education in Wrocław Publishing, 2010. 215 p.**
- Meillet, A.** *Comparative Method in Historical Linguistics*. Paris, Champion, 1967, 141 p.
- Meng, K., Protasova, T. I.** *Russlanddeutsche Sprachbiografien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Tübingen, Narr, 2001, 549 S.
- Mikhailov, M. M.** *Bilingualism (Principles and Problems)*. Cheboksary, 1969, 135 p. (in Russ.)
- Moskalyuk, L. I.** Current State of the German Island Dialects in Russia. Barnaul, Publishing house of BSPU, 2002, 291 p. (in Russ.)
- Proshina, Z. G.** Contact Variantology of the English Language: Theory Issues. *World English's Paradigm*. Moscow, Flinta Publ., 2017, 208 p. (in Russ.)
- Rosenzweig, V. Yu.** On Language Contacts. *Voprosy Yazykoznaniya*, 1963, no. 1, p. 57–66. (in Russ.)
- Sapir, E.** *Selected Works on Linguistic and Cultural Studies*. Moscow, Progress, 1993, 656 p.
- Vereshchagin, E. M.** *Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1969. 160 Pp. (in Russ.)
- Weinreich, U.** *Languages in contact: Findings and problems*. The Hague, Paris, New York, Mouton Publishers, 1953, 212 p.
- Weinreich, U.** *Languages in contact: French, German and Romansh in twentieth-century Switzerland*. With an introduction and notes by Ronald I. Kim and William Labov. Amsterdam, John Benjamins, 2011, xxxiv, 401 p.
- Westergaard, M.** Linguistic variation and micro-cues in first language acquisition. *Linguistic Variation*, 2014, vol. 14, iss. 1, p. 26–45.
- Zhirmunsky, V. M.** *German Dialectology*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1956, 635 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
31.01.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бухаров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Valeriy M. Bukharov, Prof. Dr., Head of the Department of The Theory and the Praxis of the German Language, Linguistics University (Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

vabukharov@gmail.com

ORCID 0000-0003-3586-7547

Байкова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Вятский государственный университет (Киров, Россия)

Olga V. Baykova, Prof. Dr., Head of the Department of Linguistics and Translation, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation)

olga-baykova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4859-8553